

DOI: 10.26907/2074-0239-2021-64-2-68-75

УДК 821.161.1.09"19"

ОБРАЗ ЭПИЧЕСКОЙ ГЕРОИНИ В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «ВОСКРЕСЕНИЕ»

© Валерия Андреева

THE IMAGE OF THE EPIC HEROINE IN THE NOVEL "RESURRECTION" BY LEO TOLSTOY

Valeria Andreeva

For the first time in literary criticism, the article examines the image of Marya Pavlovna Shcheginina – the epic heroine of Leo Tolstoy's novel "Resurrection", representing the ideal female type, which had not previously been found in the writer's work. We assess various sources of certain Shcheginina's features: hagiographic motives, images of revolutionaries, etc. By comparing the final text and the drafts, we analyze how Leo Tolstoy selected certain qualities that Marya Pavlovna was endowed with and how the writer worked on the creation of a consistent character of a kind, sincere and self-sacrificing heroine, whose whole life is aimed at transforming the world around and helping others. The article compares two pairs of characters: Nekhlyudov and Katyusha, and Marya Pavlovna and Simonson, analyzes the artistic connections that make it possible to assess their merits and demerits. The character of Marya Pavlovna is interpreted as an epic one – the heroine is fighting not for herself, but for a common cause, she is an example of a warrior maiden endowed with considerable physical and moral strength, fighting for the happiness of other people, for the Russian people.

Keywords: Leo Tolstoy, novel, epic novel, epic, epic hero, system of characters, motives of life, evolution of the character.

В статье впервые в литературоведении подробно рассматривается образ Марьи Павловны Щегининой – эпической героини романа Л. Н. Толстого «Воскресение», представляющей идеальный женский тип, которого до этого не было в творчестве писателя. Оцениваются различные источники появления определенных черт Щегининой: житийные мотивы, образы революционеров и пр. На основе сравнения окончательного текста и черновиков осмысливается процесс отбора Л. Н. Толстым определенных качеств, которыми он наделил Марью Павловну, оценивается работа писателя над созданием непротиворечивой фигуры доброй, искренней и жертвующей собой героини, вся жизнь которой направлена на преображение мира вокруг и помощь ближним. Автором статьи сопоставляются две пары героев: Нехлюдов и Катюша и Марья Павловна и Симонсон, анализируются художественные сцепления, позволяющие оценить достоинства и недостатки персонажей. Фигура Марьи Павловны осмысливается как эпическая – героиня борется не за себя, а за общее дело, является примером девы-воина, наделенной значительной физической и нравственной силой, сражающейся за счастье других людей, за русский народ.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой, роман, эпический роман, эпопея, эпический герой, система персонажей, мотивы жития, эволюция героя.

Роман Л. Н. Толстого «Воскресение», символично вышедший в последний год XIX века, поражает читателя широтой и эпическим размахом: автору удалось удивительно совместить в одном произведении изображение кризиса русской жизни, бедственного положения народа, находящегося на грани выживания, иллюстрацию множества человеческих заблуждений и эгоистических проявлений, а также пример духовного роста героя, его освобождения от предрассуд-

ков и стереотипных оценок, навязанных светским обществом.

Одними из важнейших в романе являются вопрос изменения человека в результате общения с другими людьми и проблема выхода личности из замкнутого круга в большой мир. Не случайно писатель делает особый акцент на полярном осмыслении Дмитрием Нехлюдовым понятия «grand monde» («большой свет»): постепенно приближаясь к осмыслению народной жизни, Нехлюдов понимает, что «большой свет»

– это не мир высшего круга общества, где все измеряется достатком, роскошью, связями, а мир трудовых людей, осознающих истинные ценности добра, взаимопомощи и любви. Внимательный читатель романа «Воскресение», проходящий сложный путь вместе с его главными героями, улавливает, что ни одна встреча не оставляет персонажей неизменными – в роман входит мотив ответственности человека не только за все свои действия, но и за его влияние на других, оказанное и не оказанное. Можно сказать, что героический характер отдельных действующих лиц романа «Воскресение» противоречит толстовской теории неделания и непротивления злу.

Ранее нами уже было отмечено, что при всем относительно спокойном течении жизни в «Воскресении» предстает образ страны на грани бытия и небытия [Андреева, с. 239]. Толстой пронизательно ощущал постепенно нараставший кризис русской государственности, который привел далее и к революции. По мнению писателя, в указанной ситуации единственно правильной была дорога интеллигенции к народу, осмысление его забитости, необразованности, бесправности. Писатель ратовал за построение новой жизни на основе помощи окружающим и осознания высшей ценностью человека, его души и живого мира, земли, которые перестали мыслиться людьми как объекты для труда и охранения, а стали восприниматься исключительно как ресурсы.

Князь Дмитрий Нехлюдов в романе все более и более освобождается от эгоизма, он оказывается в центре народных страданий и бедствий, которые наблюдает не только в своих деревнях (Нехлюдов совершает поездку в два собственных имения, где он долгое время не был), но и в острогах. Примечательно знаковое сопоставление: адвокат, к которому обращается Нехлюдов, сравнивает его с воронкой, через которую выливаются многочисленные жалобы острога. Адвокат говорит, что этих жалоб слишком много, чтобы их мог вынести и осилить один человек [Толстой, т. 32, с. 237]. Толстой демонстрирует читателю поразительное изменение своего героя: от предельного эгоизма, о котором мы не слышим в художественном мире романа, Нехлюдов силой самой жизни вовлекается в атмосферу сострадания, помощи нуждающимся. Более того, он становится народным заступником. Интересно, что Дмитрию Нехлюдову Толстой «отдает» некоторые собственные ощущения и переживания. Так, в письме к М. А. Новосёлову от 3 августа 1893 года Толстой делился со своим молодым корреспондентом наблюдением противоположного порядка жизни, который позднее он

изобразил в романе «Воскресение»: «И такое странное отношение: просить мучителей поменьше мучить. Чувствуешь, что если можешь просить, и просьба принимается, то сам стоишь на одной доске с ними, и стыдно» [Толстой, т. 66, с. 381].

Как и во всех предыдущих романах писателя, в «Воскресении» сложно соединено общее и личное: для любимых героев Толстого не может быть общего счастья и народного единения без ощущения полноты жизни каждой отдельной личностью. Как и Нехлюдов, движущийся от «я» к народному миру, Катюша совершает восхождение от рассуждений о личной выгоде к осмыслению жизни всего простого трудового мира, к которому она начинает себя причислять: «Я думаю, обижен простой народ» [Толстой, т. 32, с. 399].

Особенностью художественных миров эпических романов Толстого становится факт гармоничного совмещения общего и частного: для всех героев Толстого первостепенно человеческое счастье, но не замкнутое, а выводящее к миру. В финале романа «Воскресение» Нехлюдов посещает дом сибирского генерала, благополучная атмосфера которого воспринимается им по контрасту с недавно виденными тюрьмами. И вот Нехлюдов, посмотрев на дочь генерала и ее детей, заявляет: «Я жить хочу, хочу семью, детей, хочу человеческой жизни» [Там же, с. 431]. Среди литературоведов существует мнение, что эта фраза демонстрирует слабость героя, его возвращение к барским привычкам, уклонение от пути самосовершенствования, на который он встал. Однако это не так: у Толстого движение к миру невозможно без личного счастья, без осознания полноты и целостности своей жизни. Б. И. Берман справедливо называет стремление к счастью непосредственным мотивом творчества Толстого, «движущим принципом космоса Толстого», «главным побуждением героев Толстого» [Берман, с. 38].

Однако в романе есть герои, которых можно, по сути дела, назвать именно эпическими. Это Марья Павловна Щетинина и Владимир Иванович Симонсон – персонажи необыкновенные, забывающие о личном счастье и отдающие свою жизнь на благо ближних. Причем Толстой максимально расширяет этот круг ближних: Марья Павловна и Симонсон не просто политические заключенные, готовые поддерживать кого-то из своих, но в первую очередь благородные люди, намеренные оказывать помощь всем тем, кто в ней нуждается. Этим героям эпического романа присущи в некоторой степени черты персонажей эпопей. Так, В. Лукач отметил: «Строго говоря,

герой эпопеи никогда не бывает индивидом. С давних пор главным признаком эпоса считалось, что предметом его является не личная судьба, а судьба некоего сообщества. И это понятно, потому что завершенность и замкнутость системы ценностей, определяющие эпический космос, образуют слишком органичное, цельное единство, чтобы какая-то его часть, обособившись, могла почувствовать себя внутренне самобытной личностью» [Лукач].

Марья Павловна и Симонсон значительно отличаются от всех остальных персонажей романа, в том числе от политических заключенных. Ведущий в «Воскресении» принцип контраста проявляется тут достаточно ярко. Но при этом указанные герои становятся своеобразными «двойниками» Катюши и Нехлюдова, причем в романе выстраиваются сразу парные соответствия.

А. Г. Гродецкая справедливо отметила, что нравственный максимализм сближает Толстого с традицией житийной литературы. И на примере образа Марьи Павловны это особенно хорошо заметно. «Разбойник и блудница, житийная и евангельская пара, появляясь в „Воскресении“, составив не менее очевидную, чем в „Преступлении и наказании“ Достоевского, символическую проекцию изображенной в романе ситуации», — отмечает А. Г. Гродецкая [Гродецкая, 1993, с. 439]. Толстой показывает контрасты между героями и одновременно высокую нравственную сущность Марьи Павловны, уже просто своим присутствием благотворно воздействующую на Катюшу.

Щетинину и Маслову сближает отращивание к половой любви, и тут Толстой демонстрирует читателю полюса: для Щетининой плотское отвратительно, поскольку делает человека рабом своих инстинктов, унижает его достоинство, Маслова же извела вся тяжесть половой любви, не связанной с сердечной привязанностью. Симонсона и Катюшу сближает отношение друг к другу как к особым людям: Маслова женским чувством догадывается о том, что Симонсон в нее влюблен, считает ее особенной, и это чувство заставляет Катюшу расти и стараться быть лучше.

Не случаен в художественном мире романа тот факт, что решающее влияние на преображение Масловой оказывают (после Нехлюдова) Марья Павловна и Симонсон, и «отдает» Толстой Катюшу именно Симонсону, который в некоторой степени похож на Нехлюдова. Еще прежде того, как Нехлюдов открывает для себя неизвестный и прекрасный большой мир, Симонсон не только по-своему признает, но оберегает этот живой мир. Толстой подробно описывает

религиозное учение, которого придерживается герой: согласно его вере, в мире нет ничего мертвого, но все живое, а большинство предметов, которые люди считают неорганическими, на самом деле только кажутся нам таковыми, в реальности являясь частями огромного живого организма.

А про Марью Павловну Толстой прямо говорит как про человека, отдающего всего себя другим людям, ни минуты не размышляющего о своей персоне [Толстой, т. 32, с. 368]. Налицо в романе мотив разрыва героев с прошлым: Симонсон, Марья Павловна, как и Нехлюдов, порывают со своей средой, только Нехлюдов это делает на глазах читателя, уже в зрелом возрасте, а Марья Павловна и Симонсон в юности. Причем для Нехлюдова разрыв с высшим светом происходит на фоне исправления ошибки, да и разрыв этот отчасти условен. В молодости Нехлюдову не хватает силы и решимости для того, чтобы отстаивать свою правду. Не такими героями оказываются Щетинина и Симонсон — они значительно опережают окружающих людей, они отличаются именно степенью героичности, проявляющейся в построении своего пути, в умении противостоять обману. Не случайно Толстой подробно рассказывает читателям историю Симонсона: еще в годы учебы в гимназии мальчик решает, что имуществу, нажитое его отцом-чиновником, было приобретено нечестно. Для молодого героя не страшно одиночество, гораздо серьезнее в его понимании выглядит ложь, порождающая вереницу подлостей. Молодой человек заявляет отцу, что их состояние необходимо отдать народу. Разумеется, итогом становится разрыв с семьей [Там же, с. 369].

Эпический образ Марьи Павловны представляет особый интерес: именно эта невинная девушка, красивая и статная, умная и образованная, знатного происхождения, но державшая себя как простая работница, более того, обладающая для женщины недюжинной физической силой, в черновиках к роману открывала ту удивительную евангельскую истину, которую забыли люди и к которой в окончательном тексте романа приходит Нехлюдов.

Образы Марьи Павловны и Катюши в итоговом тексте романа оказываются теснее связанными, нежели в черновых материалах. Ранее описания Щетининой выглядели более самостоятельными: не исключено, что это было связано с тем, что писатель предполагал сделать фигуру Марьи Павловны одной из основных после главных героев в романе. У Толстого существовал замысел, согласно которому Марья Павловна должна была еще до Нехлюдова или даже вместо

него открыть простую, но столь действенную правду: именно она брала в руки Евангелие, осознавала силу Нагорной проповеди и далее сознательно жертвовала всем, стремясь сделать доброе другим [Толстой, т. 33, с. 288]. Так как еще ни в четвертой, ни в пятой редакциях романа мы не видим прозрения героя, найденного им в финале окончательного текста, более того, так как Нехлюдов начинает путаться и думать о славе, о своем положении в обществе, то, вероятнее всего, по первоначальному замыслу Толстого, дорогу для него мысль о правильной и праведной жизни должна была донести до читателя Марья Павловна.

Прописав еще в черновиках общую линию движения героини, писатель после оставляет самые существенные и важные этапы жизни Щетининой, исключая все подробности, которые выглядели слишком резко. Исключение некоторой спорной информации о жизни Марьи Павловны в окончательном тексте позволило Толстому приблизить ее биографию к первым элементам житийной схемы. Писатель убирает упоминание о том, что в детстве Марья Павловна была капризной девочкой, которая мучила сменяющихся гувернанток. Он избегает в окончательном тексте описания «непокорности» героини, ее способности обижать других в ходе отстаивания своей правды [Там же, т. 33, с. 281]. Марья Павловна становится примером образцовой героини позднего Толстого, с которой писатель шаг за шагом снимает все крайности и противоречия, бывшие в черновиках.

Щетинина представляет идеальный женский тип, которого до этого не было в творчестве писателя. Перед нами не просто пример утонченной и чувствующей жизнь девушки, благородной и честной, какой была в юности Наташа Ростова, героиня романа-эпопеи «Война и мир», перед нами не пример молодой матери, живущей на благо дела мужа и семьи (как Кити Щербацкая в романе «Анна Каренина») или преимущественно семьи (как Долли Облонская в «Анне Карениной») или молодая дочь сибирского генерала в «Воскресении»), перед нами не пример страстной красавицы и искренней женщины, какой была Анна Каренина, – Марья Павловна являет собой образец девы-воина, сражающейся за счастье других людей, за русский народ.

«Все герои эпоса разыгрывают строго отведенные им роли, и набор таких амплуа невелик», – пишет А. Д. Михайлов [Михайлов, с. 184]. Исследователь отмечает, что «эпический герой выступает в роли охранителя общества (прежде всего от врагов) и гаранта социальной справедливости», а это «нередко приводит его к наруше-

нию общественного порядка и чисто бытовой традиции, к бунтарству» [Там же, с. 187].

В художественном мире романа Марья Павловна занимает именно такую позицию: народной заступницы, точнее – помощницы всех скорбящих и оказавшихся в сложной ситуации. Интересно, что друзья-политические называют ее деятельностью «спортом благотворения». Авторские пояснения со знаковыми сравнениями несколько не снижают этот образ, но вкупе с описанием отношения к героине придают ее фигуре своеобразный жертвенный колорит: Толстой сравнивает страсть Марьи Павловны в служении другим людям со страстью охотника, добывающего дичь [Толстой, т. 32, с. 368].

Образ Марьи Павловны в окончательном тексте сразу же привлекает читателя: эту девушку невозможно не заметить. Сначала героиню мы видим именно глазами Нехлюдова, причем этот ход был в черновиках, остался он и в окончательном тексте, где Толстой говорит кратко и об особой красоте, силе и мягкости Марьи Павловны, и о ее жизнерадостности, стойкости. Толстой пишет, что ушла в камеру героиня «так же спокойно и жизнерадостно, как будто она шла из гостиной в спальню» [Толстой, т. 33, с. 178]. А потом уже, после того, как на нее обращает внимание Нехлюдов, Марья Павловна появляется в тексте романа со своей историей.

Изучение разных вариантов описания детства и юности Марьи Павловны в черновых материалах открывает многообразие смыслов, которые причудливо перемещал Толстой, подбирая нужные основы и детали. А. Г. Гродецкая точно отметила, что «по-толстовски изобильная вариативность, производящая впечатление избыточности чрезмерности», – главное качество рукописных текстов писателя. Исследовательница уделяет большое внимание радикализму толстовской правки, «когда в процессе переработки деталь, мотив, ситуация берутся в резко противоположных, контрастных вариантах» [Гродецкая, 2012, с. 83].

О перемещении подробного описания этой героини из первой части романа в третью и ее роли в возрождении Масловой в литературоведении уже немало написано. По плану Толстого, Катюша должна была решительно измениться в романе в ходе общения с политическими заключенными, и в первых редакциях произведения перевод Масловой по ходатайству Нехлюдова совершался в скором времени после вынесения ей приговора. Однако автор вынужден был отказаться от такого хода, так как от надзирателя Бутырской тюрьмы он узнал, что непосредственное

общение уголовных и политических заключенных невозможно.

В. А. Жданов справедливо подчеркнул, что под влиянием политических в душе Катюши происходил ошеломляющий переворот, что героиня слишком быстро и неправдоподобно перерождалась, а изменение плана Толстого позволило ему оставить Катюшу в одиночестве, затруднить и углубить путь ее нравственного возрождения. Также ученый отметил, что в ходе перемен, внесенных в текст, изменение Катюши и влияние на нее стали психологически убедительнее: героиня преображается не в результате положительного влияния Щетининой, своеобразной «идеальной революционерки», а при виде «грусти когда-то любимого человека» [Жданов, с. 141]. В данном случае нельзя категорично заявлять о причинах перемен в Катюше: разумеется, основная роль здесь принадлежит Нехлюдову, однако финальный переворот в героине происходит под влиянием не столько даже любившего ее Симонсона, сколько в ходе постоянного и непосредственного общения именно с Марьей Павловной. Обратим внимание, что Нехлюдов в третьей части романа несколько «удаляется» физически от Катюши: он не видит ее часто, так как заключенные продвигаются по этапу, зато Катюша оказывается в непосредственной близости с Марьей Павловной и подчиняется ее влиянию намного легче и быстрее, нежели она смогла подчиниться Нехлюдову, отношение к которому со стороны Катюши было очень противоречиво.

В рукописи 25 в черновых материалах к роману есть диалог Марьи Павловны и Катюши, в котором последняя в ходе разговора с чуткой и внимательной политической заключенной изменяет отношение к своим слабостям (обещает более не выпивать) и к Нехлюдову (обещает быть более ласковой и внимательной к нему). Несколько странным в диалоге выглядит не собственно факт влияния Щетининой на Катюшу (оно просто смещается далее в третью часть романа), а вера Катюши Марье Павловне на слово, ее очарование этой женщиной. Толстой прекрасно понимал, какие трудности и непонимания в реальной жизни могут быть между Масловой и Щетининой. Именно поэтому в окончательном тексте писатель изображает, как на место пренебрежения усилиями Марьи Павловны ставится любовь. Писатель не раз подчеркивает, что Маслова и Симонсон – обычные люди, но при этом они на голову выше многих других, забывших о главном подвиге жизни – жертвенной любви, ничего не требующей взамен.

В черновиках к роману автор уделяет образу Марьи Павловны еще большее внимание: в окончательном тексте приведены основные факты из ее жизни и биографии, но многие подробности опущены. Согласно одной из ранних задумок, писатель начинал с изображения трех женщин, находящихся среди политических заключенных, Веры Ефремовны, Ранцевой и Марьи Павловны, и далее уже переходил к подробному описанию последней. В итоговом тексте Толстой фактически открывает третью часть романа рассказом о движении партии заключенных и сразу же, рядом с Катюшей, показывает Марью Павловну, а уже позднее, раскрывая взаимоотношения заключенных друг с другом, ставит особняком Веру Ефремовну с ее головными идеями и противопоставляет ей живых и деятельных, но различающихся в своем отношении к мужчинам Ранцеву и Щетинину.

В черновых материалах Толстой сначала общался о матери Марьи Павловны, которую она особенно жалела (рукопись 92), но далее (рукопись 95) информацию эту убрал: Щетинину, как только она осознает несправедливость господской жизни, многое не устраивает в доме отца, из-за чего она и сбегает. Толстой исключает упоминание о юношеском желании Марьи Павловны уйти в монастырь, а потом, после поездки в последний, о разочаровании в религии и склонности к атеизму. Этот «революционный», отрицающий путь развития героини, воплощенный писателем в рукописи 92, не устраивал Толстого, так как увлечение идеями отчасти начинало заслонять от героини добрые дела и ее первоначальное желание служить людям.

Н. К. Гудзий писал, что Толстой в 1884 году проявлял особый интерес к делу Н. А. Армфельд, которая отбывала каторгу на Каре, получив обвинение по делу о вооруженном сопротивлении властям. Толстой познакомился с матерью Н. А. Армфельд, не раз обращался к А. А. Толстой, прося у нее помощи влиятельных знакомых, могущих исхлопотать разрешение об облегчении участи девушки. Н. К. Гудзий справедливо отмечает, что Н. А. Армфельд определенными чертами своего характера могла внушить Толстому образ Марьи Павловны [Гудзий, с. 367]. Не случайно в одном из вариантов в черновиках появляется в рассказе о Щетининой упоминание о Каре.

Записные книжки, дневники и письма Толстого демонстрируют, что писатель очень проникся историей Армфельд, приезжал к ее матери и немало хлопотал за находившуюся под стражей Наталью Александровну, при этом осмыслил образ молодой революционерки. Толстой изучил

историю Армфельд и на примере ее сделал вывод об эволюции деятельности революционеров в России: «Читал до 4 процесс Армфельд. Понял я тоже, что деятельность революционеров воображаемая, внешняя – книжками, прокламациями, которые не могут поднять. – И деятельность законная. Если бы ей не препятствовали, в ней не было бы вреда. Им задержали эту деятельность – явились бомбы» [Толстой, т. 49, с. 80]. На следующий день, 11/23 апреля 1884 года Толстой читал переписку Натальи Армфельд. В записной книжке он отмечает: «Высокого строя. Тип легкомысленный, честный, веселый, даровитый и добрый» [Там же, с. 81].

Почти такой же, веселой и доброй, жертвующей собой оказывается в романе «Воскресение» и Марья Павловна, только в художественном мире революционные идеи и политические объединения лишь косвенно затрагивают Щетинину, ее главная задача – спасение людей. По сравнению с черновиками Толстой в итоговом тексте сокращает скитания Щетининой до того времени, как она попала в тюрьму, делает ее «случайной» революционеркой. Мы узнаем только о том, что героиня поступила на фабрику, потом жила в деревне, в городе на квартире, а далее была неудачно арестована в тайной типографии, где заявила, что стреляла в человека (взяв на себя выстрел другого). Примечательно, что в рукописи 98 автор опускает упоминание о знакомстве Марьи Павловны с деятельностью организации «Земля и воля», о которой ей рассказывал троюродный брат, вычеркивает в этой рукописи слова «познакомившись с знаменитой Бардиной», хотя в рукописи 95 эта фраза присутствовала (Толстым имеется в виду Софья Илларионовна Бардина, революционерка и народница). Писатель показывает, что само по себе народническое учение не являлось новым для героини, оно просто логично открывало то, что было в ее чувствах по отношению к простым людям, к народу. Не оставляет Толстой в окончательном тексте и упоминание о том, что Щетинина учила крестьянских детей, которое было в черновиках. Также писатель убрал из окончательного текста и бывшее в черновиках упоминание о том, что «все попытки сделать из нее барышню, не удались» [Толстой, т. 33, с. 283]. Обратим внимание, что Марья Павловна является примером удивительного контраста: она, воспитанная барышня, держит себя как простая работница. Именно поэтому писатель устраняет все упоминания о «дикой жизни» героини: отказ от роскоши и светских увлечений не мог выглядеть как «дикая жизнь».

Несколько сглаживает Толстой в итоговом тексте и упоминание о большой физической силе девушки, которая позволяла ей смело давать отпор поклонникам, прельщаемым ее красотой. Не случайно, что историю о приставшем к ней на улице господине рассказывает в романе сама Марья Павловна. Прямая речь придает этому рассказу форму шутки, причем Толстой убирает неуместную подробность о фонарном столбе, которая была в черновиках: «Один раз на улице господин пристал к ней и, несмотря на ее строгий отпор, взял ее за талию. Она повернулась и схватила его за шиворот, встряхнула и так толкнула его несколько раз о фонарный столб, что он только об одном просил, чтобы она его выпустила» [Там же, с. 285]. Оставив Щетининой категоричность и силу, особую прямоту обращения, писатель в то же время наделил ее мягкостью и деликатностью, вежливостью, не свойственными большинству революционеров.

С. Ю. Неклюдов отметил, что ведущие эпосоведы говорят о «героическом характере» эпических деяний и эпической эпохи как о главном, конституирующем жанровом признаке эпоса. Исследователь пишет о появлении героического характера тогда, когда появляется новая система этических и эстетических ценностей и отмечает, что «героическое» во многом понимается почти как «воинское» или «богатырское» [Неклюдов, с. 13].

Не раз упоминаемая в романе значительная физическая сила героини закономерно дополняет ее образ как раз почти до богатырского, но при этом главный акцент делается, конечно, на воле и духовной силе Марьи Павловны.

О. Н. Виноградова справедливо отметила, что «женское имя Мария в романе „Воскресение“ встречается вариативно несколько раз. Так, по сюжету, Неклюдов интимно связан с тремя женщинами, и всех их зовут Мария. Эти три женщины – три образа светских женщин вообще, а также и три степени отступления от идеала нравственности Толстого» [Виноградова, с. 132]. Три эти образа: Мисси Корчагина, которую Неклюдов уже почти считал своей невестой, Марья Васильевна – жена предводителя (в черновиках к роману эту женщину звали Вера), с ней у Неклюдова был роман, о завершении которого читатель узнает в начале произведения, и Mariette. О. Н. Виноградова говорит также и о Марье Павловне как об идеале Толстого: «Марья Павловна – идеал Толстого: целомудренная, соответственно – бездетная, сострадающая, все предназначенное в жизни которой состоит в том, чтобы помогать другим. Так как она не имеет своих детей, то все дети для нее – как свои собственные» [Там

же, с. 134]. Нельзя исключать, что образ Марьи Павловны отчасти соотносится и с образом Девы Марии. О. Н. Виноградова выдвигает предположение о том, что в романе «Воскресение» женщины с именем Мария «выражают отношение писателя к женщинам вообще; это своего рода проекция проблем Толстого, связанных с „женским вопросом“» [Там же, с. 136].

К этому глубокому замечанию можно еще добавить, что образы женщин с именем Мария невольно сопоставляются и противопоставляются читателями и могут быть соотнесены с образом святой Марии Египетской, только в разные периоды ее жизни: до покаяния и после. Обратим внимание на тот факт, что 3 августа 1898 года Толстой записывает в дневнике: «О! как хотелось бы показать женщине все значение целомудренной женщины. Целомудренная женщина (недаром легенда Марии) спасет мир» [Толстой, т. 53, с. 208].

Можно заключить, что образ Марьи Павловны Щетининой становится в романе поистине эпическим: Толстой поднимает свою героиню на своеобразный пьедестал над другими образами, отмечая ее чуткость, жертвенность, деятельную силу, постоянную готовность прийти на помощь и жизнь по законам любви и добра. Изучение работы писателя над образом Марьи Павловны от черновиков к итоговому тексту открывает, что Толстой убрал все возможные противоречия в фигуре героини: перед нами не становящаяся на глазах читателя романная героиня, но поистине персонаж эпического масштаба.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00102.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-012-00102.

Список литературы

Андреева В. Г. Образ земли и его функции в романе Л. Н. Толстого «Воскресение» // *Studia Litterarum*. 2020. Т. 5. № 3. С. 236–251.

Берман Б. И. Сокровенный Толстой: религиозные видения и прозрения художественного творчества Льва Николаевича. М.: МП Гендальф, 1992. 205 с.

Виноградова О. Н. Отношение Л. Н. Толстого к женскому вопросу на примере вариаций женских образов с именем Мария в романе «Воскресение» // *Синтез традиций и новаторства в литературе, языке и культуре*. Курск: КГУ, 2020. С. 131–137.

Гродецкая А. Г. Агиографические прообразы в «Анне Карениной» (жития блудниц и любодеец и сюжетная линия главной героини романа) // *Труды Отдела древнерусской литературы*. СПб.: ИРЛИ РАН, 1993. Т. 48. С. 433–445.

Гродецкая А. Г. Текст «Воскресения» в реконструкции Н. К. Гудзия (Принципы. Polemika. Itogi) // *Русская литература*. 2012. № 3. С. 73–87.

Гудзий Н. К. История писания и печатания «Воскресения» // Л. Н. Толстой Полное собрание сочинений: в 90 томах. Т. 33. М.: Художественная литература, 1935. С. 329–422.

Жданов В. А. Творческая история романа Л. Н. Толстого «Воскресение». М.: Советский писатель, 1960. 452 с.

Лукач Г. Теория романа (Опыт историко-философского исследования форм большой эпик) // *Новое литературное обозрение*. 1994. № 9. С. 19–78.

Михайлов А. Д. Французский героический эпос. Вопросы поэтики и стилистики. М.: «Наследие», 1995. 360 с.

Неклюдов С. Ю. Эпос в мировой литературе // *Шаги-Steps*. 2015. № 2. С. 7–22.

Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. М.: Художественная литература, 1928–1958.

References

Andreeva, V. G. (2020). *Obraz zemli i ego funktsii v romane L. N. Tolstogo "Voskresenie"* [The Image of the Land and Its Functions in Tolstoy's Novel "Resurrection"]. *Studia Litterarum*. Vol. 5. No. 3, pp. 236–251. (In Russian)

Berman, B. I. (1992). *Sokrovennyi Tolstoi: religioznye videniia i prozreniia khudozhestvennogo tvorchestva L'va Nikolaevicha* [The Intimate Tolstoy: Religious Visions and Insights of Lev Nikolaevich's Artistic Work]. 205 p. Moscow, MP Gendal'f. (In Russian)

Grodetskaia, A. G. (1993). *Agiograficheskie proobrazy v "Anne Kareninnoi" (zhitiia bludnits i liubodeits i suzhetnaia liniia glavnoi geroini romana)* [Hagiographic Prototypes in "Anna Karenina" (the lives of harlots and fornicators and the storyline of the main heroine of the novel)]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*. St. Petersburg, IRLI RAN. Vol. 48, pp. 433–445. (In Russian)

Grodetskaia, A. G. (2012). *Tekst "Voskreseniia" v rekonstruktsii N. K. Gudziia (Printsipy. Polemika. Itogi)* [The Text of "Resurrection" in the Reconstruction of N. K. Gudzia (Principles. Polemics. Results)]. *Russkaia literatura*. No. 3, pp. 73–87. (In Russian)

Gudzii, N. K. (1935). *Istoriia pisaniia i pechataniia "Voskreseniia"* [The History of the Writing and Printing of "Resurrection"]. *Tolstoi L. N. Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh*. T. 33. Pp. 329–422. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Lukach, G. (1994). *Teoriia romana (Opyt istoriko-filosofskogo issledovaniia form bol'shoi epiki)* [Theory of the novel (Experience in the Historical and Philosophical Study of the Forms of the Great Epic)]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. No. 9, pp. 19–78. (In Russian)

Mikhailov, A. D. (1995). *Frantsuzskii geroicheskiy epos. Voprosy poetiki i stilistiki* [French Heroic Epic. Questions of Poetics and Stylistics]. 360 p. Moscow, Nasledie. (In Russian)

Nekliudov, S. Iu. (2015). *Epos v mirovoi literature* [Epic in World Literature]. Shagi-Steps. No. 2, pp. 7–22. (In Russian)

Tolstoi, L. N. (1928–1958). *Polnoe sobranie sochinenii: v 90 tomakh* [Complete Works in 90 Volumes]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Vinogradova, O. N. (2020). *Otnoshenie L.N. Tolstogo k zhenskemu voprosu na primere variatsii zhenskikh*

obrazov s imenem Mariia v romane "Voskresenie" [Leo Tolstoy's Attitude to the Women Issue Based on Variations of Female Images Named Maria in the Novel "Resurrection"]. *Sintez traditsii i novatorstva v literature, iazyke i kul'ture*. Pp. 131–137. Kursk, KGU. (In Russian)

Zhdanov, V. A. (1960). *Tvorcheskaia istoriia romana L. N. Tolstogo "Voskresenie"* [The Creative History of Leo Tolstoy's Novel "Resurrection"]. 452 p. Moscow, Sovetskii pisatel'. (In Russian)

The article was submitted on 15.04.2021

Поступила в редакцию 15.04.2021

Андреева Валерия Геннадьевна,
доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник,
Институт мировой литературы имени
А. М. Горького Российской академии наук,
профессор,
Костромской государственный университет,
121069, Россия, Москва,
Поварская, 25а;
156961, Россия, Кострома,
1 Мая, 14.
lanfra87@mail.ru

Andreeva Valeria Gennadievna,
Doctor of Philology,
Leading Researcher,
A.M. Gorky Institute of World Literature
of Russian Academy of Sciences,
Professor,
Kostroma State University,
25a Povarskaya Str.,
Moscow, 121069, Russian Federation;
14 1 May Str.,
Kostroma, 156961, Russian Federation.
lanfra87@mail.ru